

ВИТКА СНИГИРЁВ

и Лето Длиной в Целую Жизнь

Каникулы.
Деревня.
Коза

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

**Витька Снегирёв и Лето
Длиной в Целую Жизнь**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Витька Снигирёв и Лето Длинной в Целую Жизнь /
С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Витьке Снигирёву десять лет, и это лето он запомнит навсегда. Деревня Малые Кузьмичи, бабушка Нюра, коза Зорька, которая ест кроссовки и умеет смотреть в душу. Друг Петька и первая девчонка, которая оказалась не просто «Кругловой из 3 Б», а кем-то гораздо важнее. Плот, который так и не доплыл до того берега. Ночная рыбалка с папой. Гроза при свече, когда бабушка впервые рассказывает о войне. Карта сокровищ, найденная на чердаке, — с настоящим кладом в сгоревшей деревне. И клятва на крыше сарая, оставленная под черепицей: вернуться. Это книга про лето, которое кажется бесконечным. Про дружбу, которая впервые проверяется на прочность. Про взрослых, у которых, оказывается, тоже было детство — и своя война, и своё кольцо, отданное за мешок картошки. А в самом конце приходит письмо из школы. И лето — не заканчивается. Для детей 9–12 лет и для всех, кто помнит своё лето длинной в целую жизнь.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ 1. «Зорька, коза и предательство»	5
Рассказ 2. «Плот, который построил Снигирёв»	8
Рассказ 3. «Вожатый, который всё понимает»	11
Рассказ 4. «Петька Ковалёв приезжает в Малые Кузьмичи»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Витька Снегирёв и Лето Длинной в Целую Жизнь

Рассказ 1. «Зорька, коза и предательство»

Витька Снегирёв проснулся от того, что кто-то жевал его кроссовки.

Не грыз, не рвал — именно **жевал**. Мерно, с достоинством, как будто кроссовки были не кроссовками, а овсяным печеньем, которое надо растянуть на всё утро.

Витька открыл один глаз.

Над ним нависала коза. Морда у козы была наглая, бородатая и абсолютно уверенная в своей правоте. Коза жевала Витькин левый кроссовок и смотрела на Витьку так, как смотрит начальник на подчинённого, который опоздал на планёрку.

— Мама, — сказал Витька в потолок. — Тут коза.

— Это Зорька, — отозвалась из кухни бабушка. — Не трогай её, она добрая.

— Она ест мои кроссовки.

— Значит, любит тебя.

Витька сел на раскладушке. Коза по имени Зорька не торопясь дожевала кроссовок и посмотрела на него с интересом: мол, а что у тебя ещё есть?

Так началось **первое утро Витьки в деревне**.

Деревня называлась Малые Кузьмичи. В ней было четыре дома, один магазин, одна река, один мост и — как выяснилось — одна коза.

Коза была общей. То есть формально она принадлежала бабушке, но фактически жила у всех сразу: утром паслась у магазина, днём гуляла по мосту, вечером возвращалась к бабушке и требовала ужин.

— Она у нас самостоятельная, — объяснила бабушка. — Раз в два дня сама приходит.

— А если не придёт?

— Значит, у кого-то другого ночует.

Витька посмотрел на Зорьку с уважением. Вот это жизнь: ходишь где хочешь, ешь что хочешь, ночуешь у кого хочешь. Никакой тебе школы, никаких «сядь ровно, Снигирёв», никаких «а голову ты дома не забыл?».

— Бабушка, — сказал Витька. — А можно я тоже буду ходить, где хочу?

— Можно, — согласилась бабушка. — Но к обеду чтоб был. И Зорьку с собой бери, а то она одна у магазина скучает.

Первая неделя прошла как во сне.

Витька вставал, когда солнце уже висело над рекой, шёл на мост — проверять, как там Зорька. Зорька стояла на мосту и делала вид, что смотрит на воду. Витька садился рядом, свесив ноги, и они смотрели на реку вместе. Коза жевала, Витька думал.

О чём думает десятилетний мальчик, сидя на мосту рядом с козой?

О разном.

О том, что в городе сейчас, наверное, жарко. О том, что Петька Ковалёв, наверное, сейчас в лагере и, наверное, уже подружился с каким-нибудь козлом вроде себя. О том, что мама с папой развелись год назад, и папа теперь приезжает по выходным, и когда он приезжает, они с мамой разговаривают так вежливо, как будто они не муж и жена, а делегации двух стран.

И о том, что здесь, у реки, всё это как будто **не совсем про него**. Как будто он, Витька, — тоже немножко Зорька. Приходит, смотрит на воду, думает свои козы мысли и никому ничего не должен.

— Ме-е-е, — сказала как-то Зорька, и Витька был с ней полностью согласен.

А потом случилось **предательство**.

Витька сидел на крыльце, доедал бабушкины пирожки с картошкой и наблюдал, как Зорька пасётся у забора. Всё было хорошо. Всё было просто замечательно. Настолько замечательно, что Витька уже почти поверил: вот она, настоящая жизнь, вот здесь он и останется навсегда, и пусть весь город едет сюда, если хочет.

И в этот самый момент у калитки появилась **Ленка Круглова**.

Витька поперхнулся пирожком.

Ленка Круглова училась с ним в 3 «Б». Ленка Круглова была — как бы это сказать — **Ленкой Кругловой**. Она всегда знала ответ, даже когда её не спрашивали. Она носила бант. Она говорила: «Снигирёв, ты опять не готов». Она один раз сказала Витьке, что он неправильно держит ручку, и с тех пор Витька держал ручку правильно, хотя никому в этом не признавался.

И вот эта самая Ленка Круглова стояла у бабушкиной калитки. С чемоданом. В шляпе. И смотрела на Витьку так, как смотрят на **неприятную неожиданность**.

— Снигирёв? — сказала она.

— Круглова? — сказал Витька.

— Ты что тут делаешь?

— Я тут живу. А ты?

— Я тут живу. С бабушкой. На лето.

— У тебя тут бабушка?

— У меня тут бабушка.

— А у меня тут бабушка.

Они замолчали и стали смотреть друг на друга, как два разведчика, случайно встретившихся в тылу врага.

А потом Зорька подошла к Ленке Кругловой. Задумчиво посмотрела. И **съела её шляпу**.

— Ай! — сказала Ленка.

— Это Зорька, — объяснил Витька. — Она добрая. Просто любит тебя.

Ленка Круглова стояла без шляпы, с козьей слюной на волосах, и смотрела на Витьку так, что Витька понял: **лето только начинается**.

И что оно будет — длинной в целую жизнь.

Рассказ 2. «Плот, который построил Снигирёв»

— На тот берег нельзя, — сказала бабушка.

— Почему?

— Там ничего нет.

— А что там?

— Ничего.

— А если ничего, значит, можно?

Логика у Витьки была железная. Взрослые всегда говорили «нельзя», а потом оказывалось, что там или ничего страшного, или, наоборот, что-то такое, ради чего стоило идти.

«Тот берег» манил. Он был **там**. Он был **за рекой**. Он был **не здесь**.

— Бабушка, а ты там была?

Бабушка помолчала. Потом сказала задумчиво:

— Была. Один раз.

— И что там?

— Там... — бабушка посмотрела в окно, — там земляника. Большая. Сладкая. И никого. Витька понял, что ему **надо** туда.

Плот Витька строил три дня.

Он нашёл на чердаке старые доски, спросил у соседа дяди Гриши верёвку, и — главное — вытащил из бабушкиного сарая пустые железные бочки. Бочки были ржавые, тяжёлые, но плавучие. Витька это знал точно: он видел в фильме про Робинзона, что так можно.

Бочки он прикатил к берегу. Доски — принёс. Верёвку — намотал на руку.

И начал строить.

— Снигирёв, — сказала Ленка Круглова, которая пришла на берег как раз в тот момент, когда Витька пытался привязать вторую бочку к первой. — Что это?

— Плот.

— Зачем?

— На тот берег.

Ленка села на песок, обхватила коленки и стала смотреть.

— А меня возьмёшь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты девчонка.

— И что?

— А вдруг ты утонешь, и потом меня накажут.

— А если ты утонешь, меня накажут?

Витька задумался. Об этом он как-то не думал.

— Меня не накажут, меня спасут, — сказал он уверенно.

— А меня, значит, не спасут?

— Тебя спасут второй. После меня.

Ленка кивнула так, как будто приняла важную информацию к сведению.

— Тогда я построю свой плот, — сказала она. — И утону первой. Назло тебе.

Витька смотрел на неё и чувствовал, что где-то в глубине души ему это, кажется, **правится**. Хотя вслух он бы этого не сказал никогда в жизни.

Плот был спущен на воду **на четвёртый день**.

Витька стоял на досках, бочки подозрительно покачивались, верёвка держала плохо, но **это был плот**. Настоящий. Сделанный руками. Свой.

— Снигирёв! — крикнула с берега Ленка. — Ты иди, а я буду смотреть, куда ты плывёшь. Чтобы если ты утонешь, я знала, куда идти.

— Ладно, — крикнул Витька.

Он отчалил.

Река была **не такая**, как казалось с берега.

Она была сильнее. Она была холоднее. Она несла его — не туда, куда он хотел, а туда, куда хотела **она**. Плот крутился. Бочка 2 потихоньку отвязывалась. Витька лёг на живот, чтобы не упасть.

— Снигирёв! — услышал он голос Ленки. — Ты куда?! Ты не туда!!!

Он и сам видел, что не туда. Но грести было нечем. И тут случилось то, чего он боялся: **бочка 2 отвязалась** и поплыла своей жизнью. Плот наклонился. Витька ухватился за доску.

И в этот момент в голове у него впервые в жизни зазвучал спокойный, взрослый, **бабушкин** голос:

«На тот берег нельзя. Там ничего нет.»

Витька вдруг понял, что бабушка, может быть, говорила не про берег. А про то, что **не надо туда одному**.

Он скатился в воду. Вода была ледяная. Он вынырнул, схватил доску и поплыл обратно. Плот унесло. Бочка 2 утонула.

— Снигирёв, ты дурак, — сказала Ленка, когда он выбрался на берег и сел на песок. — Ты мокрый дурак.

— Знаю, — сказал Витька.

— Ты чуть не утонул.

— Знаю.

Ленка подумала секунду. И протянула ему руку:

— Давай завтра вместе построим. Новый. Только покрепче. И вдвоём. Тогда не утонем.

Витька посмотрел на её руку. На её лицо. На то, как она старалась не улыбаться и как у неё это не получалось.

— Давай, — сказал он.

И вот тогда Витька Снигирёв впервые в жизни понял простую вещь: **тот берег — он не там**. Он у тех людей, с которыми ты строишь плот. Даже если они девчонки. Даже если они Кругловы.

Особенно если они Кругловы.

Рассказ 3. «Вожатый, который всё понимает»

Летний лагерь «Орлёнок» Витька не любил заранее, ещё до того, как туда попал.

Во-первых, там надо было **строиться**. Во-вторых, там надо было **петь**. В-третьих, там надо было **ходить строем на завтрак**, чего Витька не понимал совершенно: зачем идти строем, если еда не убегает?

Но мама сказала: «Снигирёв, тебе полезно». Папа сказал: «Сынок, там интересно». А бабушка сказала: «Поезжай, поезжай. Зорька без тебя не пропадёт».

И Витька поехал.

Вожатого звали **Гриша**.

Ему было, наверное, девятнадцать. У него была улыбка человека, который знает, что ты будешь шалить, но почему-то относится к этому с симпатией. Он носил кепку козырьком назад, играл на гитаре три аккорда и умел **молчать вместе с тобой**. Это Витька оценил сразу.

В первый же вечер Витька ушёл с вечерней линейки и сел под сосной — просто потому что не хотел строиться.

Через пять минут рядом сел Гриша.

— Устал? — спросил он.

— Нет, — сказал Витька. — Не люблю линейки.

— Я тоже.

— А чего тогда стоишь?

— Потому что я вожатый. Я работаю.

Витька покосился на него. Взрослый, который **говорил правду** — не «надо, потому что надо», а «потому что я работаю», — это была редкость.

— А если я не пойду на линейку завтра?

— Тогда я скажу, что ты был. Или не скажу. Как хочешь.

— А если проверят?

— Тогда я скажу, что ты был. Так лучше.

Витька подумал. Так было **лучше**. Значит, Гриша **всё понимает**.

Но потом Витька понял и второе: «всё понимает» — это не значит «во всём разрешает». Это значит: **видит тебя насквозь и всё равно на твоей стороне**.

Однажды ночью мальчишки из второго отряда решили **сбежать** к речке. Просто так. Сбежать и вернуться. Витька пошёл с ними — потому что если не пойти, потом три дня будешь «Снигирёв, ты что, не мужик?».

Речка была холодная и звёздная. Витька окунулся и почувствовал себя живым.

И тут из темноты вышел Гриша.

Он не кричал. Не ругался. Он просто сел на песок и сказал:

— Хорошо купаетесь. А если я сейчас уйду и не буду вас искать, всех по домам распустят, знаете?

Все притихли.

— Я вас не сдам, — сказал Гриша. — Но вы мне должны.

— Что? — спросил Витька.

— Никогда больше не купаться ночью **без меня**. Потому что если с вами что-то случится, а меня рядом не будет, мне будет **очень плохо**. Понял?

Витька посмотрел на него и вдруг понял, что Гриша **не врёт**. Что он действительно боится **за них**. Не за выговор, не за работу — за них.

— Понял, — сказал Витька.

— Тогда пошли. По одному. И тихо.

Когда Витька засыпал, он думал: **вот бы вырасти и стать таким же**. Взрослым, который всё понимает и всё равно на твоей стороне. Который знает, что ты будешь ошибаться, а он будет рядом. Не для того, чтобы наказать, — для того, чтобы поймать.

— Спишь? — спросил с соседней койки Петя Ковалёв, который тоже был в этом лагере.

— Спи.

— Гриша — клёвый.

— Да.

— А ты знаешь, что он сказал про тебя?

— Что?

— Что «Снигирёв — это отдельная история».

Витька не ответил. Но запомнил.

И решил, что на всякий случай будет **достойной отдельной историей**.

Рассказ 4. «Петька Ковалёв приезжает в Малые Кузьмичи»

Петька приехал в конце июня, без предупреждения.

Витька как раз сидел на мосту вместе с Зорькой, и они, как обычно, смотрели на воду. Утро было тихое, река блестела, коза жевала что-то своё, и ничто не предвещало никаких событий. А потом за спиной раздался знакомый голос:

— Снигирёв!

Витька от неожиданности чуть не свалился в воду. Зорька, наоборот, даже ухом не повела, только посмотрела на Витьку так, будто спрашивала: «Это кто там ещё кричит с самого утра?»

По деревенской дороге бежал Петька Ковалёв. Загорелый, в шортах, с рюкзаком, из которого торчала удочка, он размахивал руками и орал так, словно за ним кто-то гнался.

— Ковалёв? — крикнул Витька в ответ.

— Я!

— Ты как тут оказался?

— Меня мама! — Петька добежал до моста, согнулся, схватился за колени и стал отдуваться. — Меня мама отправила! К тётке! На всё лето!

— К какой тётке?

— К Тоньке! Она тут живёт, в Малых Кузьмичах!

Витька медленно сел обратно на мост, потому что ноги как-то сами перестали его держать.

Петька. Здесь. В его деревне. На всё лето.

— Ковалёв, — сказал Витька, — ты вообще понимаешь, что это значит?

— Что?

— Это значит, что мы поплывём. По-настоящему. На тот берег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.